

Олег Лукошин

НЕПРИСТОЙНЫЕ РАССКАЗЫ

Олег Лукошин

Непристойные рассказы

«Издательские решения»

Лукошин О.

Непристойные рассказы / О. Лукошин — «Издательские решения»,

ISBN 978-5-44-833127-5

Эту книгу вы постесняетесь рекомендовать знакомым и близким. Она шокирует вас и заставит стыдиться собственных мыслей и эмоций. Кого-то она приведёт в ярость. Это сумасшедшие, дерзкие и воистину непристойные рассказы. Внимание, книга содержит откровенные сцены секса и насилия!

ISBN 978-5-44-833127-5

© Лукошин О.
© Издательские решения

Содержание

Беззаветно влюблённые в порнографию	6
Женщина с волосатой грудью	12
Грехопадение	14
Девушка по имени Могильная Плита	17
Жареные негры с кетчупом	20
Иди на «Астру»	22
Конец ознакомительного фрагмента.	24

Непристойные рассказы

Олег Лукошин

© Олег Лукошин, 2018

ISBN 978-5-4483-3127-5

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Беззаветно влюблённые в порнографию

В жизни Алексея было лишь две вещи: работа и порнография.

Он работал в редакции газеты дизайнером, имел свой угол со столом и компьютером, и работу свою любил. Она была спокойной и размеренной. Нарисовать примитивную рекламную картинку, оформить красивым шрифтом бестолковый слоган, подобрать приятный фон для текста – вот и всё, чем он занимался. Авралов на работе не было.

Во вторую половину своей жизни он погружался гораздо охотнее. Точнее сказать, он пребывал в ней постоянно, лишь на некоторое время выползая наружу, в реальность, для того, чтобы сходить на работу, поесть и поспать. Порнография была смыслом и целью его жизни. Часами он блуждал в интернете по порносайтам, скачивая фотографии и клипы. Все фотографии распределялись строго по папкам, в зависимости от жанра и, защищённые паролем, прятались в глубины его компьютера. Он был посетителем сайтов всех мало-мальски известных порнозвёзд. Азия Каррера, Бриана Бэнкс, Эрика Белла, Керри Трамп, Джуди Эштон, Джин Келли, Катя Кин, Лаура Энджел, Лори Синклер, Оливия Дель Рио, Нина Хартли, Никки Андерсон, Беатрис Валле, Элиша Класс, Рекел Дарриан, Табата Кэш, Диана Лаурен, Шейла Лаво, Стефани Свифт, София Эванс, Анита Блонд, Ария Джiovанни, Саша Винни, Джинна Файн, Сильвия Сейнт, Тера Патрик, Дора Вентер, Тейлор Сент-Клер, Моника Ковет, Рита Фалтояно, Таня Русова, Никита Дениз, Зара Уайт, конечно же Чиччолина и Трейси Лордс, ну и, разумеется, волшебная и бесподобная Дженна Джеймсон, в которую он был просто влюблён. Дженна Джеймсон, богиня порнографии, занимала его мысли постоянно. Он видел её повсюду: она шла вместе с ним на работу, сидела на коленях, задумчиво уставившись в компьютер, принимала с ним душ и ложилась вместе с ним в постель.

Увлечение порнографией не ограничивалось рабочим временем. Дома оно продолжалось с удвоенной силой. Дома он смотрел фильмы. Когда-то его удовлетворяло практически всё – и тупые немецкие пихалочки, и импотентское итальянское софт-порно. Но со временем количество переходило в качество. Теперь его тянуло к более изощрённым и художественным вещам, которые на городском рынке отыскать было невозможно. Но и здесь на помощь пришёл интернет – через сетевые магазины он заказывал всё, что казалось ему интересным. Главным увлечением Алексея, кроме фильмов с Дженной Джеймсон, были фильмы семидесятых – золотой эры порно. «Глубокая глотка», «Дьявол в мисс Джонс», «Преображение Мисти Бетховен», «Чёрный секс», «Ненасытная», «Мир, созданный сексом», «Раскаты грома», «Жеребец на вечеринке у Китти» с Сильвестром Сталлоне – все они имелись в его домашней коллекции. Лишь один фильм никак не удавалось приобрести. Фильм, о котором говорили как о самом великом в жанре порнографии – картина 1972 года режиссёров Арти и Джима Митчела с Мерилин Чемберс в главной роли, «За зелёной дверью». Он облазил все сетевые магазины, изнасиловал все поисковые системы, но безрезультатно – в России его никто не продавал.

Девушки у Алексея никогда не было. Девушек он не понимал, да и не стремился понимать. Девушки ему нравились только голые, только на четвереньках и только на экране телевизора. Семейные ценности казались ему какой-то дикостью, он даже представить себя не мог в роли мужа, и все настойчивые попытки матери, с которой он жил до сих пор, свести его с какой-нибудь «порядочной» девушкой рубил на корню.

Раньше он раз в месяц заказывал проститутку. Проститутки совершенно не удовлетворяли его. Большею частью это были тупые, абсолютно не артистичные девки, которые ложились, как бревно, на кровать и ждали, когда он начнёт в них ковыряться. За это недалёкое удовольствие приходилось отдавать деньги. Деньги, которые он мог бы потратить и на что-нибудь более путное. На новый фильм с Дженной Джеймсон, например. Короче, года два назад он

отказался от проституток. Тем более, что его маленькому другу далеко не всегда удавалось выполнить поставленную задачу. Подрочить под любимый фильм – это было гораздо приятнее.

– Ого, писсинг!

От неожиданности Алексей вздрогнул. Нескладная и некрасивая девушка в очках по имени Ирина, новый бухгалтер, стояла за его компьютером и с интересом разглядывала что-то на экране. С ужасом он вспомнил, что не защитил паролем скачанные утром с одного из сайтов фотографии. Более того, расслабившись от вседозволенности, он оставил папку с ними на рабочем столе и вот сейчас, вернувшись с перекура, обнаружил эту бабу беззастенчиво погрузившейся в его сокровенные тайны.

– Отойдите пожалуйста от моего компьютера, – холодно и сухо выдавил он.

Папка действительно была открытой, во весь экран дисплея красовалась смеющаяся деваха, направлявшая золотистую струйку мочи в присыпанную листвой землю. Он лихорадочно закрыл папку и сел за стол. В груди кипела ярость. Ему хотелось убить эту Ирину.

Она же смотрела на него с улыбкой.

– Да ладно тебе, – сказала она добродушно, – что ты как ребёнок.

Они делили кабинет на двоих. До недавнего времени бухгалтером в газете работала пожилая тётенька, которая тихо-мирно вязала за своим столом носки и не лезла к Алексею ни с расспросами, ни с разговорами. Почему-то ей приспичило уволиться, и вот уже три дня новым бухгалтером работала эта молодая и по всей видимости наглая девка.

Алексею она не понравилась с первого взгляда. Прежде всего – своим желанием установить с ним контакт. Она постоянно задавала какие-то вопросы, шутила, балагурила и провоцировала его на разговоры. Он не любил экстравертов. Экстраверты – опасные люди. Человек, который не умеет сдерживать в себе эмоции и постоянно стремится разделить их с окружающими, не заслуживает доверия. Алексей отвечал ей односложно, всем видом давая понять, что не нуждается в общении. Два дня он, скрепя сердце, пережил, и вот на третий бухгалтер выкинула редкостный по свинству фортель – залезла к нему в компьютер.

– Чего ты стесняешься? – всё ещё стояла она рядом. – Подумаешь, порнуха... Я тоже порнуху люблю.

– Ирина Евгеньевна, – уничтожающим тоном прошипел Алексей, – я прошу вас – сядьте на своё место и не мешайте мне работать. У меня куча дел сегодня.

– Ну ладно, как знаешь, – Ирина вернулась за свой стол. – Только ты не обижайся. Я просто документ один хотела посмотреть. Сам виноват. Паролем надо закрывать.

Алексей зловеще молчал.

– Завтра принесу диск со своей коллекцией фоток, – сказала она. – Посмотрим, поприкалываемся. У меня очень редкие фотографии. Тебе должно понравиться.

Ага, думал Алексей, делать мне больше нечего.

Он чувствовал себя пристыженным школьником. Хотелось, как в детстве, убежать куда-то и спрятаться, чтобы никто никогда не нашёл.

Сука, бормотал он про себя. Тупая сука.

– Алёша! – позвала его на следующий день Ирина. – Подойди-ка сюда!

Он окинул её презрительным взглядом.

– Спасибо, не хочу.

– Да подойди ты, я не кусаюсь.

Тон её был таким простым и естественным, таким дружеским, что Алексей, сам того не желая, сдался. Тяжело выдохнув, он поднялся со своего места и приблизился к компьютеру бухгалтера.

– Я ещё никому их не показывала, – сказала Ирина. – Я такая же застенчивая, как и ты. Но тебе покажу, потому что вижу в тебе родственную душу.

Алексей поморщился от этих слов. Ирина поставила диск и открыла папку с фотографиями.

Фотографии были весьма оригинальными. Алексей и подумать не мог, что бухгалтер Ирина может коллекционировать такие извращения. Самым удивительным во всём этом была сама ситуация: девушка показывала ему порнографические фотографии – это было чрезвычайно волнительно и возбуждающе.

– Ничего, прикольно, – сказал он. – Но я и покруче видел.

– А вот такое видел? – Ирина вошла в свой почтовый ящик и открыла одну из папок. – Это мне парни присылали, с которыми я занималась виртуальным сексом. Такие придулки!

Фотографии представляли собой заснятых с эрегированными членами парней. Большинство из них сидели в весьма фривольных позах за своими компьютерами и махали ладошками в объектив.

– Представляешь, сами присылают. Я им свои фотки не шлю, а они мне – да. Извращения, одно слово.

– Я на парнях не специализируюсь, – ответил Алексей.

– А я на всём специализируюсь, – сказала Ирина. – Мне и на парней, и на девчонок нравится смотреть. Я наверное бисексуалка, хотя с девчонками ни разу не пробовала. Да и с парнями почти не пробовала, – добавила она грустно.

После этих слов Алексей почувствовал, что вопреки всему, начинает испытывать к этой девушке симпатию.

– Покажи мне свои фотки, – попросила она. – У тебя ведь есть что-нибудь необычное?

Он хотел отказать, но почему-то не смог. Чувствуя в себе какую-то озорную и запретную волну, Алексей махнул рукой и сказал:

– Пойдём. Сейчас такое увидишь!

Весь день они смотрели фотографии, смеялись и разговаривали. Слазили в несколько чатов. Под ником «Малена» занимались виртуальным сексом с какими-то тупыми парнями. Впрочем, в чатах умных парней не бывает.

«Я беру твой член в ладонь, – набирала на клавиатуре Ирина, – и ласково дую на него».

«Бери его в рот, сучка!» – писал виртуальный партнёр.

– Что ответить? – спрашивала она у Алексея.

Ответь: «Я беру его в рот и начинаю массировать свой собственный член».

Дружно ржали.

– А какие фильмы тебе нравятся? – задал ей вопрос Алексей.

– О, я больше старенькие предпочитаю. Семидесятых, шестидесятых, и раньше.

– Да что ты! И я тоже. «Дьявол в мисс Джонс» смотрела?

– Ага, у меня есть. Классный фильм. А «Ненасытную» смотрел?

– Смотрел конечно. А «За зелёной дверью» случайно не видела?

– Не-а. Редкий фильм. Давно его ищу, но не получается.

– Вот и я давно ищу. Очень хочется посмотреть.

– И мне. Пишут, что самый великий порнофильм.

– Блин, где бы достать его?!

Недоверие к Ирине полностью улетучилось. Девушка, которая ищет фильм «За зелёной дверью», не может быть врагом.

– А я в последнее время немой порнографией увлеклась. Диск в интернете заказала – там короткометражные чёрно-белые фильмы 20х-30х годов. Просто отпад!

– Не видел. Дашь посмотреть?

– Конечно! Можно даже вместе.

В тот же день после работы они отправились к Ирине домой.

– Mam, познакомься, – представила она его матери. – Это Алексей, мой коллега по работе.

– Милости просим, милости просим, – суетливо заталкивала мама тапочкой под палас соринки. – Проходите, гостем будете.

Взгляд её был тёплый и приветливый. Такой взгляд был Алексею знаком – его собственная мать встречала им девушек, которые иногда заходили к ним домой. Он словно говорил: «Может, поженитесь наконец-то!..» Причём ей было совершенно неважно, что сам Алексей этих девушек видел в первый раз, и что были они какими-нибудь распространителями скородок.

– Ты, мам, не мешай нам, – сказала Ирина, заталкивая Алексея в свою комнату и закрывая за собой дверь. – У нас дела есть. Баланс никак не сходится.

– А Алёша тоже бухгалтер? – приложила мама ухо к двери.

– Да, типа того.

– Так чай-то уж попейте!

– Спасибо, не хотим.

Ирина поставила в DVD-плеер диск, они уселись на кровать и погрузились в просмотр. Фильмы были классные. Немые, чёрно-белые, абсолютно отвязные – Алексей получил огромное удовольствие. Даже на эрекцию пробило.

После просмотра, совершенно неожиданно для себя, они стали целоваться.

– Может гейское порно зарядим? – покусывая губы Алексея, говорила Ирина.

– Я не любитель.

– Да ну, брось! Знаешь, как классно!

– Лучше что-то более традиционное.

Он трогал её за грудь. Спускался ниже. Она тоже водила ладошкой в области его ширинки.

– Фистфакинг любишь?

– Люблю.

– А писсинг?

– И писсинг люблю.

– А зоофилию?

– Выборочно.

– У меня классный фильм есть. «Экскурсия по зоопарку», Италия. Не смотрел?

– Нет.

– Лучшая зоофилия, какую я только видела.

– Обязательно посмотрим.

На первый раз ограничились петтингом.

Зато на следующий день, после работы, решили потрахаться по-настоящему. Алексей должен был ставить редакцию на сигнализацию, Ирина осталась с ним. Они закрылись, разделась. Ира легла на стол, положила ноги ему на плечи (прямо как в фильмах про секс в офисе), он приступил к действию...

Увы, ничего не вышло. Член никак не хотел принимать твёрдую форму. Полчаса возни не принесли никакого результата. Обессиленный и расстроенный, Алексей присел на стул. Хотелось плакать.

– Не грусти, – погладила его по голове Ира. – Честно говоря, у меня тоже не было никакого желания. Даже не возбудилась.

– Да что не грусти! – горестно подпирал он щеку ладонью. – Я импотент, вот и всё объяснение.

– Не наговаривай на себя! Вчера я чувствовала, какой у тебя здоровый.

– Это был редкий эпизод.

– Просто нам надо трахаться под порнушку. Только она нас возбуждает.

Пару дней спустя попробовали под порнографию. Мать Алексея как раз уехала к сестре, квартира была свободной. Поставили Памелу Андерсон с Томми Ли. Результаты были самые благоприятные. Всё прошло как по маслу!

– Молодец, Памела! – говорила Ира, когда они, расслабленные, лежали в кровати и досматривали запись. – Искренне трахается. С чувством.

– С настоящей страстью, – согласился Алексей. – Но всё же Дженна Джеймсон лучше.

– Дженна Джеймсон – богиня.

– А давай-ка с ней что-нибудь посмотрим!

– Давай.

Поставили «Опасные приливы». Смотрели, восхищались. Возбуждились по новой. Совсем не были уверены, что получится во второй раз, но получилось.

Засыпали счастливые и влюблённые.

Через полгода после знакомства, они решили пожениться. Венчались в церкви. Гостей было немного – только родственники и несколько друзей.

– Венчается раб Божий Алексей рабе Божьей Ирине... – зычно тараторил батюшка.

– Знаешь, какой фильм я вчера достала? – шептала Ира Алексею.

– Какой?

– Не поверишь.

– Говори, не томи.

– Заходила к одной старой знакомой в гости. У неё муж то и дело по заграницам ездит.

Она мне диски с фильмами начала показывать. Вот бы продать их, говорит, а то переезжать собираемся. Я смотрю: а на полке стоит...

– Что? Что стоит?

– Держись за меня крепче. «За зелёной дверью»!

– Не может быть!

Алексей почти выкрикнул эти слова. Священник посмотрел на него строго и осуждающе.

– Фирменный, штатовский, в хрустящей упаковочке... За сколько, говорю, продашь?

– Она: а, этот... Это тупая порнуха какая-то... Представляешь, это для неё тупая порнуха! За десять баксов, говорит, отдам с удовольствием.

– Ну, а ты что?

– Что я? Купила конечно!

– Купила! Значит фильм сейчас у тебя?

– У меня!

– «За зелёной дверью»?

– «За зелёной дверью»!

– На DVD?

– На DVD! Вот только на английском.

– Так даже лучше!

На них зашутукали. «Молодые, не мешайте церемонии!»

Алексей был на седьмом небе от счастья. Ему хотелось схватить Ирину и задушить её в объятиях.

– Сегодня самый счастливый день в моей жизни! – шепнул он ей.

– Согласен ли ты, Алексей, взять в жёны Ирину, любить её и заботиться о ней? – спросил его батюшка.

– Согласен! – ответил он.

– Согласна ли ты, Ирина, взять в мужья Алексея, любить его и заботиться о нём?

– Согласна! – ответила она.

– Отныне вы муж и жена!

Матери молодожёнов плакали. Немногочисленные гости тоже утирали глаза платочками. Молодые сблизили губы и поцеловались.

Женщина с волосатой грудью

Когда я учился в медицинском институте, нам показывали женщину с волосатой грудью. Это называлось атавизмом и поначалу женщина вызывала в нас только неприятные эмоции. Девочки морщились, парни поёживались, но все исправно записывали слова профессора Сотникова, который рассказывал нам о сущности этого явления – всё-таки мы были будущими докторами. Со второй лекции, однако, стали происходить странные изменения: я и два моих друга – Егор и Костя – почувствовали странное к ней влечение. Через неделю мы безумно в неё влюбились.

– Ты смотри, ты смотри! – шептал Егор, когда она обнажала грудь. – У меня прямо-таки эрекция.

– И у меня, – говорил я.

Застенчивый Костя думал какое-то время, но решился наконец вставить слово и от себя:

– У меня тоже.

Он дико при этом краснел. Мы на него внимания не обращали.

Профессор Сотников помогал женщине снять лифчик, брал указку и, поставив её в центр аудитории, показывал нам области оволосения. Потом мы по очереди подходили к ней и разглядывали волосы вблизи. Они были не слишком густые, но зато выющиеся. Покрывали всю область между полушарий, спускаясь по животу чуть ниже линии сосков, а также сами груди, заметно редая к бокам. Цвет их тоже менялся: между грудей росли чёрные, а на грудях светлее и рыжее. Я не сдержался и потрогал их – профессор Сотников кивком одобрил мой интерес – волосы были жёсткие и колючие.

– Вы бреете их? – спросил я у женщины.

– Сейчас нет, – ответила она, мило улыгнувшись. – Но раньше брила.

Женщине было чуть за тридцать. Была она приятной, хоть и грубоватой наружности, и формы её тела весьма впечатляли.

– Когда это началось у вас? – снова задал я вопрос.

– В четырнадцать лет.

– Они просто начали расти?

– Ну да.

– Или происходило что-то ещё?

– Например?

– У вас был зуд, чесотка, возможно лишай на груди?

– Вы знаете, – ответила она после паузы, – что-то подобное было.

– Да? – удивился Сотников. – Вы ничего не говорили мне.

– Я думала, что это не относится к делу.

– Так что же это было? – продолжал Сотников. – Зуд, чесотка?

– Грудь действительно чесалась и весьма сильно, – вспоминала женщина. – А ещё на ней были маленькие красные прыщики.

– Угу, угу, – кивал Сотников. – Это очень интересно.

– Потом всё прошло и стали расти волосы...

– Появлялись ли у вас области чесотки после этого? – спросил я.

– Нет. Кроме груди у меня совсем нет волос. Только на лобке немного, да на голове, – улыбнулась она. – А на ногах – ни одного.

– Вы комплексовали по этому поводу? – продолжал задавать я вопросы.

– Сначала – да, но потом смирилась. По крайней мере, это никак не отразилось на моей личной жизни. Я вышла замуж, у меня двое детей, неплохая работа.

Она совсем не казалась несчастной. Может оттого, что за демонстрацию своей груди получала деньги.

– Молодец, студент! – похлопал меня по плечу профессор Сотников. – Профессионально подошли к делу. Из вас может выйти толк.

Лекция заканчивалась, женщина одевалась, прощалась со всеми и уходила. Мы шли курить.

– Вчера вечером, – заговорщически говорил Егор, – я занимался онанизмом и в качестве сексуального объекта случайно выбрал её.

Мы напряжённо молчали.

– Я чуть не сдох от кайфа! Это было круче, чем минеты, которые делала нам Рыжая Соня. Круче, чем минеты Рыжей – это впечатляло!

В тот же вечер я повторил Егоркин эксперимент. Результаты его оказались сногшибательными. Такого глубокого и насыщенного удовольствия я не испытывал ни разу! Из крана лилась вода, ноги упирались в потрескавшийся кафель, а женщина кружилась в темноте моего воображения и прикасалась ко мне волосатыми сосками. Я рычал и пускал слюни.

– Ты прав, – сказал я Егору на следующий день, – это умопомрачительно.

Костя молчал – он стеснялся признаваться в своих слабостях, но мы знали, что эксперимент испробован им.

– Наше влечение к ней, – говорил Егор, – это проявление скрытой педерастии.

Мы сидели в столовой и пили портвейн.

– Почему? – спросили мы его.

– Волосатыми бывают только мужики. Наше влечение к волосатой женщине – это замещение влечения к мужикам.

Я молча переваривал эту теорию, а застенчивый Костя протестовал:

– Нет, нет! – он даже махал руками. – Я не педик. Здесь всё гораздо проще. Это всего-навсего зависть.

– Ну-ка, объясни, – кивали мы ему.

– Просто у нас самих грудь – безволосая. У меня нет волос на груди.

– Хм, – шурился Егор, и у меня нет.

– У меня есть, – разрушил я Костину гипотезу. – И немало.

Костя огорчился. Мы так и не нашли научные объяснения своей патологии.

– Сегодня, – говорил профессор Сотников, – наша гостья пришла к нам в последний раз. С атавизмом мы заканчиваем.

После лекции мы не выдержали. Бросились за уходящей женщиной, завели её в пустую лабораторию и стали раздевать.

– Ребята, зачем? – спрашивала она нас удивлённо. Очень снисходительно и понимающе.

– Я люблю тебя! – шептал ей Егор.

– Я тебя люблю! – хрипел я.

– Люблю тебя! – вставлял и Костя.

Мы трогали её за грудь. Волосы под нашими касаниями хрустели и обвивали пальцы.

В лабораторку зачем-то зашёл профессор Сотников. Это было самое натуральное запахло – тем более, если учесть, что в лабораторные комнаты он заходил крайне редко. Женщину он освободил, а нам надавал по шеям.

Было большое разбирательство и нас с Егором отчислили из института. А вот Костя, сукин сын, как-то отмазался. Мы подозревали, что несмотря на все свои протесты, он имел всё же определённые наклонности и кое-какие связи с профессором.

Женщину я больше не видел.

Грехопадение

Когда-то я любил девушку.

Я любил её безумно, страстно – так могут любить только сумасшедшие. Я прикасался к её лицу губами, целовал глаза, нос и дерзкие выступы скул, я искал ответной ласки. Она внимательно и снисходительно смотрела на меня и не торопилась раскрывать губы для ответных поцелуев.

– Я тебе небезразлична? – спрашивала она, пристально наблюдая за мной, словно стараясь в каком-то случайном жесте обнаружить отрицательный ответ, словно желая услышать его...

– Я обожаю тебя! – отвечал я, восторженным порывом желая доказать ей свою преданность. – Я безумно влюблён в тебя!

Она удовлетворённо улыбалась уголками губ. Ей нравился мой ответ и моя восторженность.

Я был не единственным, кто любил её. Вместе со мной её любил мой друг. Мой верный друг. Самый близкий и преданный мне человек.

– Жми на газ! – кричал я ему. – Мы опаздываем. Девушка ждёт!

Распугивая прохожих, со страшным скрипом шин мы останавливались у цветочного магазина и торопливо покупали два огромных букета. Я брал хризантемы, а он – розы. Заскакивали в автомобиль и мчались к ней – лишь бы успеть, лишь бы она не рассердилась за опоздание!

Боязливо мы переступали порог её дома и на цыпочках шли за служанкой, которая, окинув нас требовательным взглядом, нехотя запускала в апартаменты хозяйки. Девушка была здесь – в цветастом кимоно она полулежала на перине и насмешливо взирала на нас.

Мы подползали к кровати и рассыпали на ней цветы. Тянулись к её ногам – чтобы поцеловать их, чтобы она позволила... Она позволяла – целуя, мы развязывали пояс на её кимоно, распахивали его и целовали её грудь. Она прикасалась к цветам и принимала решение.

– Сегодня – я поклонница роз! – объявляла она, и мой торжествующий друг с воспалённо-восторженными глазами шептал благодарности судьбе за то, что девушка выбрала его.

Я вставал и молча выходил из комнаты. Дубовые двухстворчатые двери закрывались за мной и, вжавшись в стену, я отчаянно вслушивался в звуки, которые доносились из покинутой мной залы. Звуки были сладострастны и восторженны. Я в бессилии сжимал кулаки и зубы, мечтая лишь об одном – оказаться на месте друга.

– Мне надоели эти игры, – сказал я ей как-то. – Я хочу, чтобы ты была моей. Слышишь, только моей, и ничьей больше!

Она задумчиво взирала вдаль. Я ждал ответ.

– Это будет сложно, – ответила наконец. – Мне симпатичны вы оба.

– Оба! – в отчаянии махал я руками. – Что он понимает в любви?! Разве умеет он любить так же, как я? Ответь мне, разве он любит так же?!

– Нет, нет, что ты, – успокаивала она меня. – С твоей любовью ему не сравниться, милый. Твоя любовь на порядок выше и горячее. Я очень ценю её, поверь мне.

– Но что же мне сделать, чтобы лишь я мог дарить тебе свою любовь?

Она молчала и даже не смотрела на меня. Я был в отчаянии – я неприятен ей, думалось мне, она сердится на меня. Она равнодушна ко мне, я ей безразличен. Я чувствовал, что готов покончить с собой, откажи она мне сейчас.

- Есть только один способ, – сказала она, – чтобы я принадлежала тебе.
- Какой?! – взмолился я. – Назови мне этот способ, и я немедленно его выполню!!!

Она внимательно взгляделась в моё лицо. Словно оценивая – а готов ли я к тому, что она сейчас скажет.

- Убей своего друга! – сказала она.
- Я рассеянно осматривался по сторонам.

Мысли бурлили и не желали выстраиваться в строгую и логичную последовательность. Но понимание вызревало.

Горечь, словно обильные осадки, оседает в душе, но не испаряется, а твердеет. Ты просыпаешься,ходишь в день, проживаешь его – отложения растут и заволакивают сущее.

- Я поставил новые амортизаторы! – хвастался мне друг. – Сейчас все кочки будут нипочём.

Мы шли по пустынной ночной улице. Держали в руках бутылки с дешёвым вином и отхлёбывали из горлышка.

- Здорово! – согласился я. – Жаль, что наша девушка не сможет оценить твоё усердие.
- Да, она не выходит из своих палат. Действительно, жаль. Как бы я покатал её!
- Скажи, ты любишь её?

Он посмотрел на меня пристально и грустно.

- Да, я люблю её больше всего на свете. Впрочем, как и ты.
- Ах, если б он знал, насколько моя любовь сильнее и горячеей!
- Тебе не кажется, что она порочна?

- О, да, она порочна!
- Что она горда и своенравна?
- Она горда. А уж своенравна!..
- Что она эгоистична?

- Да, эгоистичность – главная её черта. Но к чему все эти эпитеты, если любишь?

Я остановился. Друг тоже встал рядом.

- А не кажется ли тебе, что она должна принадлежать только одному?

Он усмехнулся.

- Это зависит от неё.

– Нет, друг, – сказал я ему. – Всё зависит от нас. Скажи мне, сколько лет мы знакомы с тобой?

- Сколько лет? – переспросил он с улыбкой. – Мы знакомы с раннего детства. Должно быть, с самого рождения.

– Это правда, – кивнул я. – Мы знаем друг друга с пелёнок. Мы всегда жили очень дружно, не так ли?

- Да, – подтвердил друг. – Мы всегда жили очень дружно. Даже с большим усилием я не могу вспомнить ни одной ссоры между нами.

- Воистину, это так.

Я допил вино и отбросил бутылку в сторону.

- Значит, ты не будешь обижаться на то, что я собираюсь сделать?

– Обижаться? – хохотнул друг. – Делай что угодно, я ни на что не обижусь. Как я могу обидеться на друга?

Я выхватил из-за пояса нож и ударил им его в грудь. Между рёбер, в самое сердце.

Тяжёлый, сдавленный выдох вырвался из его гортани. Глаза друга смотрели на меня так же доверчиво и преданно. Постепенно взор их тускнел. Он медленно осел на асфальт. Я выдернул нож и отскочил в сторону, увёртываясь от струи крови. Когда кровавый фонтан спал, я вытер нож об одежду друга и положил его в кобуру за поясом.

– Прости меня, друг, – прошептал я. – Любовь сильнее меня.

Дубовые двери открылись. Возбуждённый, трепещущий я переступил порог дома моей возлюбленной и, отшвырнув служанку, помчался в её комнату.

Девушка, моя любимая девушка, обнажённая и прекрасная, покоилась на перине и, кажется, ждала меня.

– Я сделал это! – прохрипел я, падая на колени и подползая к ней. – Он мёртв.

Взгляд её был доброжелателен и нежен.

– Я горжусь тобой, – сказала она. – Ты оправдал мои надежды. Иди ко мне!

Я бросился в её объятия. Она срывала с меня одежды и покрывала поцелуями разгорячённое тело. Не было в этот миг человека счастливее меня – моя любимая девушка принадлежала только мне!

И стены расступились, растворившись туманной дымкой, и потолок превратился в свинцово-багровые тучи, прорезаемые вспышками молний, и тысячи факелов зажглись по всей долине, и бесы, улюлюкая и вопя, погрузили свои безобразные тела в восторженную пляску.

И хохочущий Люцифер обозначил изгибами туч своё присутствие на горизонте – праздная грехопадение нового человеческого существа.

– Добро пожаловать! – услышал я громогласные раскаты.

Когда-то я любил девушку...

Девушка по имени Могильная Плита

Карнавал! Карнавал!

Возбуждение достигло невиданных пределов, нетерпение тревожно барахтается в сердцах, заветный день наступил, уже сегодня, сегодня, господи, и не верится-то совсем, сегодня отрыв и выход в запредельность!

Старшеклассницы с утра сами не свои, костюмы готовы, менять поздно, только последние штрихи разве, да ещё сожаление глухое где-то под селезёнкой ворочается – а вдруг можно было и получше придумать?

Парни – те ещё дурнее в ожиданиях. Две недели безудержных фантазий о неистовом буйстве, о пире вожделенного духа, о кураже – потому что знают, знают, черти, что будет вольнее, свободнее, что можно позволить с девчонками Нечто.

Да и те в теме. Где ещё, как не на карнавале оттянуться? Где, как не здесь без зазрения совести на вольности пуститься?

И лишь бы всё гладко! Лишь бы без обломов, без накладок всяких. Так, типа просьбы к обстоятельствам.

Танцпол светится, стробоскоп мигает, хрустальные шары в зените и шлют радужные блики всем жаждущим удовольствий. Кислотные цвета разъедают глаза, голова кружится. В баре только пиво, директор запретил покрепче, но на грудь заранее слегка приняли, да и во фляжках ещё барахтается. Колёса тоже внутри, вращаются, сцепление в норме, тормоза позабыты дома.

– Ба, смотрите, смотрите! – шёпот. – Кто это, кто? Танька Беликова? Не слабо!

Точно, Беликова. В костюме порочной колдуньи. Что-то вроде Бастинды в молодости. Ниспадающие тёмно-синие одежды, какой-то блестящей дребеденью инкрустированные, волосёнки жиденькие неплохо так уложены, поблёскивают, и макияж демонически красивый. В руке – что-то вроде волшебной палочки. Ко всем подходит, опускает её на плечо и говорит: «Крибле, крабле, бумс!» Броско, сучка, броско.

– Уау, а это Сашка Карпов! Никак Спиди-гонщик?

Красно-белый комбинезон, шлем в звёздах, а сзади надпись эффектная «Mother Fucker». Пьяненький, и вроде как вполне. Пошатывается, смеётся, и сквозь смех выкрикивает:

– Матушка была довольна!

Перепадёт. От девчонок ему сегодня точно перепадёт. Нужный образ нашёл.

Почти сразу вслед за ним Серёга Лапин заявился. В чёрном трико, тёмной накидке и с черепушкой в руке.

– Бедный Йорик! – всхлипывает. – На кого ты меня оставил?

Этот, как его... Ну, у одного писателя из Англии персонаж такой. Гамлет, точно! Прогнило что-то в датском королевстве, о-хо-хо. А ещё, когда про Йорика вякать надоедает, достаёт из-за пояса сабельку – ладно что настоящую не додумался притащить, а то бы мог, у него отец распальцованный – и заявляет:

– Я насажу вас всех на свою пику!

Как-то агрессивно, сказать по правде. Да и девчонки к нему по жизни прохладно относятся. Так что не знай, не знай насчёт его шансов. Если только перепьёт какая.

– Зырьте, зырьте!

Марина Костомарова ещё больше жару дала. Под Диту фон Тиз закосила. От ступней до подбородка – кожей обтянута, только жопа голой осталась. Пацаны тут же её по ягодцам приглаживать взялись. Марина не возражает.

Но не они отожгли по-чёрному, не они. Кто бы только знал, что именно эта сегодня всех ярче выступит. Не в жизнь не догадаетесь! Машка Боголюбова, придурочная.

Нацепила на себя чёрный картонный короб, верхняя грань полукругом, только для рук и головы отверстия. Только короб – и всё. Даже на ногах ничего не надето, босая. А на коробе впереди белой краской намалёвано: R.I.P. Покойся в мире.

Ну, в зале-то не дураки, поняли, что она надгробный камень изображает. Правда, не все. Эльвира Воропаева, которая как самая мелкая просто в белое и кружевное оделась, отчего всем сразу стало ясно, что она в образе Дюймовочки, подошла и не постеснялась спросить:

– Ты кто?

Видимо, не в смысле кто ты по жизни, а кто ты сейчас, на карнавале.

– Меня зовут Могильная Плита, – как-то невзрачно ответила Маша.

Мало того, что она и так пришибленная, она сюда вообще какой-то неадекватной припёрлась. То ли колёсами первый раз в жизни закинулась, то ли травки курнула. По ходу, тоже первый раз. Глаза навывкате, вздрагивает то и дело. Придурочная, что с неё возьмёшь?

Но девчонки прикид её всё же по достоинству оценили.

– Бля, готично-то как! – шепчутся. – Отожгла, тупорылая, отожгла. Всё гениальное просто.

Начались танцы. За вертушками колдует DJ Печёнкин, почти столичная знаменитость, знатный нарезчик винила.

– Давай-давай! – выдал он в микрофон.

Долго заводить народ не пришлось.

– Давай-давай!!! – заскандировали ряженные. – Давай-давай!!!

Отжиг конкретный властвует. Офигенный кураж! Даже завуч Маргарита Ильинична на танцполе юлой вертится. А лучшая – всё равно Боголюбова. Шатается как прокажённая, руки к небу вздымает и кричит, так что весь драм-эн-басс многокиловаттный перекрикивает:

– Вы все скоро сдохнете!

Народ фишку живо словил.

– Мы скоро сдохнем!!! – принялся орать хором. – Давай-давай! Давай-давай!

Боголюбова не унимается.

– Я вестница смерти! – вопит. – Сегодня судный день! Скоро все вы сгниёте!

– Мы всё сгниём!!! – радостно подхватывает молодёжь. – Давай-давай! Давай-давай!

Боголюбова на спину повалилась, хрипит, руками перебирая.

– Господь Бог уничтожит вас, неблагодарное человечество! Я Могильная Плита! Я пришла за вами!

– В жопу Бога! – крикнул в микрофон DJ Печёнкин, видимо завидуя неожиданному успеху Боголюбовой.

– В жопу!!! – экстаично, воодушевлённо подхватил народ. – Давай-давай! Давай-давай!

Освобождение, вот что это такое. Отрыв. Полный беспробудный кайф.

– Бля, да она королева вечера, – вынуждены были признать девчонки, глядя на выкрутасы Могильной Плиты.

А дальше – больше Машка выдала. Умудрилась в своём коробе на четвереньках ползать, космами эффектно мотать, а под занавес вечера вообще блеванула красиво, струёй этак. Все аж завизжали от восторга!

– Ты лучшая! – аплодируют ей. – Могильная Плита – де бест.

Усталая, изнеможённая, Боголюбова повалилась на пол и тихо плакала.

– Вы ничего не понимаете, глупцы. Вам конец всем, конец! Вы все сдохнете, сдохнете, сдохнете! И я ничего не могу с этим поделать...

А потом, чуть позже, когда все действительно сдохли – все-все-все, всё человечество вплоть до последнего старика и младенца – она вышла на улицу и, рыдая, шла по ночному безмолвному городу, то и дело натываясь на остывающие тела.

– Господи милостливый! – заламывая руки, взывала она к небесам. – За что, ну за что ты так с ними?!

Обессилившая, она свалилась у дороги и забилась в истерике. Она молотила руками по асфальту, словно пытаясь вызвать сам Ад, словно желая его пришествием объяснить произошедшую трагедию. Но Ада, как знают наиболее образованные и проницательные существа во вселенной, не существует в принципе. Всё в воле Господней, всё в его благодати.

И Господь Бог спустился в человеческом облике на Землю, и положил на плечо Могильной Плиты руку.

– Не плачь, – молвил он. – Перестань скорбеть. Ты избрана мной, Мария, чтобы стать прародительницей нового человечества. Людей добродетельных, чистых и ярких. Людей с примесью божественной крови.

И он поставил Машу раком, порвал ей целку и целый час сладострастно имел, раз за разом сбрасывая в её чрево лучезарно-чистое семя.

И вскоре произвела Мария на свет первых созданий нового человечества...

Жареные негры с кетчупом

Анжеле восемнадцать. Она негритянка. Точнее, афро-русская. Её назвали в честь борца за права чернокожих Анжелы Дэвис. Мы познакомились в Адлере и продолжили встречаться в Москве. Я лижу её вишнёвую промежность и пребываю в самом жизнерадостном расположении духа. Скоро мы поженимся, и я стану членом великого чёрного братства.

– Чёрные тела бесподобны! – говорю я, отстраняясь. – Лишь чёрных Господь Бог наделил истинной красотой.

– Среди чёрных немало и уродцев, – отвечает Анжела. – А чёрные женщины часто страдают ожирением.

– Это белая пропаганда, – разьясняю я ей. – Белые нацистские организации контролируют массмедиа и внушают обывателям страх и отвращение к чёрным. Вот ты – стройная и красивая.

– Но я чёрная лишь наполовину.

Я обожаю чёрных. И проклинаю себя за то, что родился белым. Белые – слабые люди. Они заносчивы и высокомерны, но высокомерие их строится лишь на дешёвых иллюзиях о собственном уме и культуре. Их время сочтено. Участь белого человека, о которой вопил Киплинг, очень проста – исчезнуть.

– Выброси это из своей красивой головки, – треплю я её по кудрявым волосам. – Пропаганда влияет и на тебя. Ты стесняешься своего чёрного отца, а должна им гордиться.

– Но я ни разу не видела его. Ещё до моего рождения он свалил в свою Анголу.

– Уверен, что он был вынужден сделать это. Не оставаться же ему в расистской России?

– Зато уровень преступности среди чёрных значительно выше, – говорит Анжела.

– Преступность чёрных – это месть за столетия унижений. Белая шваль должна ответить за все те зверства, которые она творила над африканцами.

Мы неторопливо одеваемся. Я ставлю в музыкальный центр диск, купленный утром в подземном переходе.

– Представляешь, – говорю я. – Даже не ожидал такую удачу. Ранее не издававшиеся композиции Тупака! Иду, вижу – лежит. Блин, думаю, в каком-то подземном переходе – и такой раритет! Как тебе?

– Ну, ничё... – отвечает Анжела. – А может лучше финских металлистов послушаем? Мне подарили новый альбом Sonata Arctica.

– Какие металлисты, о чём ты говоришь!? – возмущаюсь я. – Ты зацени вот это. Слышишь: йоу, йоу!.. Гениально!

Я слушаю только рэп и рэггей. Никакого металла – это извращение белых нацистов. Они постоянно окружают тебя. Даже Анжеле внушили, что это достойная музыка. Бедная девочка, и она им верит! Блюз уважаю, но не слушаю, хоть это и чёрная музыка. Во-первых, скучно, а во-вторых белые приватизировали блюз и сделали его своей побрякушкой. Всякие Клептоны, Мейолы и Воэны превратили его в развлечение белых наркоманов. Он утратил свою силу и проникновенность. Джаз? Джаз тоже идёт от чёрных, но он полностью под контролем белых. Да и не понимаю я джаз. Сейчас в чёрное братство можно войти только через рэп. Как Эминем. Ну, или женившись на чёрной.

Одетая Анжела подходит к серванту и достаёт альбом с фотографиями. Вынимает из него одну и протягивает мне.

– Вот он, мой отец. Единственное фото осталось.

Я беру фотографию в руки и вижу улыбающегося чёрного парня в цветастой рубашке.

– Какое телосложение! – восхищённо цокаю я языком. – Настоящий атлет! Не то что белые разложенцы.

– Грязный ниггер, – забирает у меня Анжела фотографию. – Хоть бы деньги присылал. Никогда матери не прощу, что она от него забеременела. Не могла русского найти!

– Твоя мать – мудрая женщина. Она понимала, что будущее за чёрными.

– Ничего она не понимала. Просто девственности хотела лишиться. Вот и переспала с первым попавшимся.

– Белая раса вымирает, это объективная реальность.

– А чёрная погружается в пучину бескультурия и варварства.

– Ложь! – восклицаю я. – Ложь, ложь и ещё раз ложь!!! Чёрная раса только начинает поднимать голову и вырываться из невежества и дикости, в которой её держали белые фашисты. Чёрные доминируют везде. В спорте и музыке они уже зачинатели мод. Сейчас они всё настойчивее пробиваются в те сферы, куда их раньше просто не пускали – в политику и науку.

– Нечего им там делать.

– Я понимаю, – горестно киваю я, – что белые уже хорошенько промыли тебе мозги. Мать настроила тебя против отца, а пропаганда заставила поверить в несуществующие достижения белой культуры. Ничего, ничего, это пройдёт. В один прекрасный день ты почувствуешь в себе зов крови и поймёшь всё величие расы, к которой ты принадлежишь. Чёрные восторжествуют над миром – так предсказывал великий Хайле Селассие, Растафари.

Мы садимся смотреть телевизор. Анжела включает дивидишник.

– Что поставим? – спрашивает она. – Есть новый фильм с Де Ниро.

– В жопу Де Ниро! – отклоняю я предложение. – Поставь «Малькольм Икс».

– Ты смотрел его двадцать раз!

– Я готов смотреть его вечно. Это великий чёрный фильм.

Анжела недовольна, но всё же ставит нужный диск.

– Поесть приготовлю, – уходит она на кухню.

Я погружаюсь в просмотр. Из кухни доносятся аппетитные запахи. Анжела жарит мясо. Вскоре она выносит две тарелки со стейками.

– Жареные негры с кетчупом! – объявляет она.

Я лишь тяжело вздыхаю.

– Глупенькая, – говорю я, пережёвывая мясо. – Разве так можно шутить!?

Мои дрэды спадают на лицо. Я откидываю их назад. Анжела кладёт мне голову на плечо.

– Твой народ пережил столько боли и унижений, а ты позволяешь себе такие высказывания! – укоряю я её.

Она улыбается.

– Чёрные – это сила! – говорю я. – Это достоинство. Это гордость. Чёрные – это будущее. Через несколько десятков лет человечество заметно утратит свою белизну. А через пару сотен лет белые вообще исчезнут с лица Земли. На ней останутся только чёрные. Ну, и азиаты.

– Какое ужасное будущее! – Анжела всё ещё хочет поддеть меня.

– Надо думать о том, кем будут твои дети. Надо думать об этом сейчас.

– Именно поэтому ты со мной?

– Именно поэтому. А ещё потому, что ты мне очень-очень нравишься.

Мы целуемся. Желание снова просыпается во мне. Я понимаю, что вполне способен ещё на один раз. Я ужасно рад этому обстоятельству. Так могут только чёрные – несколько раз подряд, безостановочно. Они настоящие самцы. Наверное, я тоже становлюсь чёрным. По крайней мере, в душе.

– Как здорово, что у меня белый парень! – говорит, оторвавшись, Анжела.

Иди на «Астру»

Вообще-то её звали Леной. Нийя – это...

Нийя – это лысая девушка из кинофильма в двух сериях «Через тернии к звёздам» по сценарию Кира Булычёва. Нийю создали на отдалённой умирающей планете из человеческой биомассы. Биомасса варилась в котлах, пузырилась, вздымалась буграми, и пыталась вырваться наружу, вскидываясь над котлами частями человеческих тел. Вот из такого варева возникла Нийя.

Планета умирала, безумный учёный штамповал лысых девушек – средоточение мудрости и естества, а мерзкий карлик по имени Туранчокс – повелитель планеты – монотонно бубнил в громковоритель:

– Иди на «Астру»! Нийя, иди на «Астру»!

И загипнотизированная Нийя шла на «Астру».

«Астра» – корабль добрых землян, которые прилетели спасти умирающую планету. Злой карлик посылал туда Нийю, чтобы уничтожить наших собратьев.

Но добро побеждало.

После просмотра фильма классный руководитель Зоя Михайловна устроила с нами его обсуждение. Мы учились тогда классе в пятом. Она водила нас в кино каждую неделю, и классный час посвящала разбору фильмов. Она была советской интеллигенткой-киноманкой.

– Нийя – хорошая, – сказал Миша Добродеев. – Она за наших.

– Фильм мне очень понравился, – заверил ребят Саша Агареев. – Я люблю про космические корабли!

– Из бластеров стреляли, – вспоминал содержание Вадим Варламов, – карлик бегал. Ещё раз посмотреть хочется!

– Я ничего не поняла, – честно призналась Таня Федосеева. – Да и страшно очень.

– А я по Булычёву ещё мультипликационный фильм видел, – хвастался я своей эрудицией, – «Тайна третьей планеты». Там тоже нехило.

– И я смотрел! И я смотрела! – кричали мои одноклассники.

Зоя Михайловна радовалась, что доставила нам удовольствие. Она была хорошей женщиной и вроде бы даже любила детей. По крайней мере, сейчас мне вспоминается о ней исключительно приятное. То есть почти ничего.

– Ну, а что сама Нийя думает? – лукаво улыбнулась Зоя Михайловна, глядя на новенькую девочку, которую посадили за парту со мной.

Класс взорвался хохотом. Лена пришла к нам всего неделю назад, пришла практически лысой. По причине какой-то странной болезни её постригли наголо, и лишь робкий ёжик слегка отросших волос украшал в тот момент её черепушку. Впрочем, сама Лена не стеснялась своей лысины и не носила никаких головных уборов. Все эти дни мы смотрели на неё настороженно, в ней было что-то не то, что-то не наше, что-то не детское, чуждое. Она держалась очень по взрослому, и разговаривала очень умно, и глаза у неё были очень внимательные и пронзительные – под их взглядом становилось неудобно. Мы были дружным классом, но с Леной за эту неделю никому, кроме, пожалуй, меня сдружиться не удалось. Она отпугивала не только своей лысиной.

Класс смеялся, и Зоя Михайловна поняла, что допустила педагогическую ошибку. Разозлившись на себя за то, что обидела в присутствии одноклассников девочку, она замахала на нас руками и закричала:

– Ну-ка тихо все, тихо! Пошутить уж нельзя.

Ничуть не смутившись учительской шутки, Лена-Нийя поднялась с места и начала говорить о фильме.

– Нийя чрезвычайно трагический персонаж, – зазвучал её надтреснутый и какой-то звенящий голос. – Представьте, что вам однажды скажут, что вы не человек, что у вас нет папы и мамы, что вас вылепили из биомассы, что вы всего лишь функция для осуществления чьих-то планов.

– Я теряюсь, ставя себя на её место, – говорила лысая девочка Лена. – Я в полной растерянности. Я одна в целой Вселенной, я оказываюсь в чужом и неизвестном мне мире, я не помню своего прошлого.

– И лишь какой-то пугающий голос, – вздохнула она, преодолев этим вздохом мгновение трагичного молчания, – бубнит в твоей голове одну и ту же фразу: «Иди на «Астру»! «Иди на «Астру»! «Иди на «Астру»!..

– Иди на «Астру», Нийя! – крикнул Миша Добродеев.

Класс снова взорвался смехом.

С этого дня все стали называть Лену Нийей.

Лишь я продолжал звать её Леной.

– Игорь, – тихо зовёт меня Лена на уроке истории, – ты слушаешь AC/DC?

– Конечно! – киваю я в ответ.

– А Judas Priest?

– Моя любимая группа, – скалю я зубы.

– Приходи ко мне домой, – щурит глаза Лена, – послушаем.

– А где ты живёшь?

Оказывается, что живёт она в соседнем доме.

– А ещё у меня совсем новая группа есть, – продолжает зазывать меня Лена. – Iron Maiden называется.

– Что играют? – я опускаю руку под парту и трогаю Лену за коленку. Глаза её становятся ещё уже, ещё лукавее, мою руку она не убирает.

– Металл! – восклицает она шёпотом. – Классно рубают.

– Наверное, – радуюсь я только что придуманной шутке и своему пикантному положению, – на твоей планете все слушают только металл.

Лена хихикает.

– Наверное, – кивает она.

– Иди на «Астру»! – стараюсь сдерживать голос в пределах шепотных децибел, рычу я как вокалист металлической группы. – О-о-о е-е-е, иди на «Астру»!

– Средний ряд, последняя парта! – зычно восклицает учительница. – Что у вас там за возня?!

Лена жила в однокомнатной квартире, довольно затхлой и ветхой. В комнате стоял диван, трельяж и старый-престарый платяной шкаф.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.